

УДК 1(091)

DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003

Благо в традиции отечественной и западной философии**Ан Светлана Андреевна**

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой кафедры философии и культурологии,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Российская Федерация, Барнаул, ул. Молодежная, 55;
e-mail: tanges@mail.ru

Макаров Иван Викторович

Аспирант кафедры философии и культурологии,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Российская Федерация, Барнаул, ул. Молодежная, 55;
e-mail: tanges@mail.ru

Аннотация

В статье понятие «благо» рассматривается как основополагающая категория для отечественной философии. Авторы сопоставляют взгляды видных представителей отечественной религиозно-философской мысли: И.А. Ильина, Г.С. Сковороды, Вл. Соловьева, Л.Н. Толстого. Далее они рассматривают благо в контексте западной философии. Авторы обращаются к наследию античных авторов, затем рассматривают отношение к благу времен эпохи Возрождения. Делается вывод о том, что благо проявляет себя в трех ипостасях – в любви, в стремлении к счастью и в ответственности, а стремление к счастью стоит в центре отечественной религиозной философии. Указывается на то, что в отечественной мысли, в силу русской ментальности и преимущественно иррационального склада ума, проблема сердца получила яркое воплощение.

Для цитирования в научных исследованиях

Ан С.А., Макаров И.В. Благо в традиции отечественной и западной философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 74-82. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003

Ключевые слова

Благо, русская философия, западная философия, любовь, стремление к счастью, ответственность.

Введение

До недавнего времени преданное забвению понятие «благо» (добро) находит все большее распространение в отечественной философии и литературе. И это закономерно, так как именно русская философия обращена к познанию духовных глубин человека. В среде нравственной философии находится комплекс проблем, включающий в себя изучение таких категорий, как добро (благо), справедливость, свобода, любовь, правда, совесть. Вл. Соловьев определил аксиологический аспект философии как понятие добра [Соловьев, 2012, 7].

Основная часть

Осознание того, что в основе философского знания лежит нравственная идея, не превращает добро в отвлеченное понятие, есть главное, что сближает позиции многих философов. И.А. Ильин отмечает: «Тот, кто стремится к истинному знанию добра, должен понять, что весь вопрос этики есть вопрос о содержании, а не о форме» [Ильин, 1994, т. 2, 23]. Вслед за Сократом он полагал, что человек может исследовать суть добра, если он сам будет им жить и его осуществлять. Только став «орудием духа, он сможет испытать и познать сущность духа». Именно на этом пути «обновится и расцветет будущая русская философия» [Там же, 24].

Суть добра рассматривал и Л.Н. Толстой. В первых строках его трактата «О жизни» читаем: «Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага» [Толстой, 1984, т. 17, 19]. Но личное благо не есть истинное благо потому, что оно противоречит и даже вступает в конфликт с личным благом других людей: «Каждое из этих существ... чувствует только свою жизнь и свое благо, считает только свою жизнь важную и настоящею, а жизнь всех других существ только средством для своего блага. Человек видит, что каждое из живых существ точно так же, как и он, должно быть готово, для своего маленького блага, лишиться большего блага и даже жизни всех других существ» [Там же, 19-20].

Истинное же благо не зависит ни от внешних обстоятельств, ни от посягательств других людей: «Оно вечное, Божественное, абсолютное, неуничтожимое» [Борчиков, 2005, 83]. О нем учили первые мудрецы: Будда, Конфуций, Лаоцзы, Христос. От этих корней произрастает мудрость блага и в русской, и в западной философии. Восточная же философия, не теряющая традиции, все время живет этой мудростью.

Если благо рассматривать как этическую категорию, оно, в диалектической методологии, определяется как выражение положительного по отношению к отрицательному – злу. Представления о добре (благе) и зле исторически изменчивы. Соответственно, изменчивы они и в историко-философской мысли. Так, в русской философии советского периода, сообразно марксистскому походу, «представления о добре и зле имеют классовый характер. Добро означает моральную ценность и несводимо к удовольствию, счастью, благополучию, прогрессу, пользе (общественной или личной)» [Абдусамедов и др., 1983, 145]. Что касается его противоположности – зла, оно является отрицанием моральной ценности. Марксистская позиция относительно религиозных представлений о добре и зле связана с их критикой. Претензии марксистов сводились к тому, что религия отрывала нравственность от практических интересов, сводя их к вечности и неизменности их основных характеристик, которые определились исходным принципом божественной сущности морали: «Марксистская философия считает, что духовный кризис, присущий современному буржуазному обществу, экономические, социальные и экологические проблемы, вызванные бездумным применением

научных достижений, приводят часть людей к ложному убеждению, будто без религии добро и зло теряют свое основание, исчезают, уступая место утилитарному расчету. Этому заблуждению способствуют идеи буржуазных философов о невозможности научного обоснования моральных ценностей» [Там же]. Сообразно марксистской позиции, «по мере уничтожения социального неравенства, развития культуры и достижения справедливости и правды добро и зло приобретают все более ясный и согласующийся с наукой смысл нравственных ориентиров на пути развития личности и общества» [Там же, 146].

Русская философская мысль, как мы уже показали в начале статьи, уделяла достаточное внимание нравственному значению блага. Как нам кажется, она обозначила наиболее яркое его проявление в трех ипостасях: любви, стремлении к счастью и ответственности. Рассмотрим это подробнее.

О любви кто только не говорил, считая ее первым атрибутом блага. Так, у Л.Н. Толстого Бог есть и благо, и любовь. И восстановление связи человека с ним есть не что иное, как любовь к ближнему: «Любовь – это чувство, разрешающее все противоречия жизни человека, поэтому и дает ему наибольшее благо. Толстой полагает, что любовь – это категория блага» [Борчиков, 2005, 85]. Почему в мире мало любви? Потому, что люди, участвуя в общественных отношениях, в суете и возможности властвовать над другими, попирают нравственные основы бытия. Любовь чужда борьбе за существование и власти.

И здесь Толстой выдвигает сопряженную с благом и любовью нравственную категорию страдания: «Страдание, какое бы то ни было, человек сознает всегда как последствие своего греха, какого бы то ни было, и покаяние в своем грехе, как избавление от страдания и достижение блага. Вся жизнь человека с первых дней детства ведь состоит только в этом: в сознании через страдание греха и в освобождении себя от заблуждений» [Толстой, 1984, т. 17, 125-126]. Для писателя это еще и этический принцип: «Деятельность, направленная на непосредственное любовное служение страдающим и на уничтожение общих причин страдания – заблуждений, и есть та единственная радостная работа, которая предстоит человеку и дает ему то неотъемлемое благо, в котором состоит его жизнь» [Там же, 129].

По мнению Толстого, человек и любит, и живет для блага. Но и умирает, поскольку смерть процесс космический, значит, необходимый, тоже во благо: «Умирает человек только тогда, когда это необходимо для его блага...» [Там же, 117]. И в последних строках трактата «О жизни» мыслитель делает красивое заключение: «Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом» [Там же, 131]. Кстати, эта философская позиция во многом объясняет его малопонятную теорию противления злу.

Толстой наставляет каждого: «Люби всех – и добрых, и злых. Люби не переставая, и не переставая будешь счастлив» [Толстой, 1954, т. 68, 64]. В данном комментарии мысли Толстого согласимся с современным историком русской философии Б.В. Емельяновым, который утверждает, что для Толстого «причиной любых экономических отношений является насилие. В связи с этим, он выступает против всякого насилия, осуждая наряду с насилием эксплуататоров и революционное насилие масс, освобождающих от эксплуататоров. Антитезой “закону насилия” Толстого выступает любовь. Перед Богом люди равны. Бог через всеобщую любовь соединяет их. Поэтому, по мысли Толстого, самоценность человеческой жизни повышается от служения ближнему (поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы с тобой поступили), и не только ближнему, но и всему живому, имеющему душу (не причиняй ему страдания, не убивай)» [Емельянов, 2019, 776]. «Следование этим заветам, лежащим в основе

христианства, позволит утвердить земное благополучие всех людей. Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей» [Толстой, 1954, т. 68, 64-65]. В поздний период творчества в своих сборниках «Мысли мудрых людей» (1903 г.), «Круг чтения: мысли многих писателей об истине, жизни и поведении» (1904-1908 гг.), «На каждый день: учение о жизни, изложенное в изречениях» (1906-1910 гг.) он собрал много высказываний, которые легли в его концепцию любви и ненасилия: «Употребление насилия вызывает злобу людей, и тот, кто употребляет насилие для своей защиты, большею частью не только не обеспечивает себя, но, напротив, подвергается большим опасностям, так что употреблять насилие для своего обеспечения – это и несообразительно и нерасчетливо» [Цит. по: Принцип ненасилия, 1991, 70-72].

Итак, любовь и насилие связаны друг с другом диалектически, так как являются противоположностями. Отказ стать судьей поступков других людей – это и есть практическое ненасилие. А.А. Гусейнов, специалист по этике, делает здесь ценное замечание: «Речь идет не о том, чтобы вообще отказываться от оценки (суда) действий других людей, а о том, чтобы не оценивать (не судить) людей как людей, чтобы не покушаться на их свободу, нравственное достоинство, само их право определять свою жизнь. Тем самым человек относится к другим как братьям» [Гусейнов, 1997, 53]. С точки зрения формальной логики можно выстроить следующую схему: если все люди – братья, а враги – тоже люди, то враги – братья.

Через десять лет после выхода трактата Толстого «О жизни» вышел в свет труд Вл. Соловьева «Оправдание добра». Учение Соловьева не противоречило толстовским идеям и повторяло основные из них. Это идея блага как удовлетворения сути человеческой, идея высшего блага как единства добра, истины (разума), красоты и божественного совершенства и идея любви как главного атрибута блага. Тем не менее мыслитель обвинял Толстого в «отвлеченном морализме», заикнувшись лишь на нравственном совершенствовании (в отличие от исторически деятельного совершенства). Однако упрек Толстому в отвлеченном морализме может быть адресован и Соловьеву. Приобщение к благу через любовь у Толстого рассматривается на уровне нравственного выбора человека, а у Соловьева – на уровне всечеловеческого единения для общего блага, т. е. в идеальном контексте исторического движения нравственное совершенствование и историческое совершенствование сходятся у русских мыслителей в одно и то же благо.

Обратимся ко второй позиции нашей схеме – стремлению к счастью. Приведем некоторые афоризмы, сформулированные Л.Н. Толстым: счастлив тот, кто счастлив «без раскаяния; чтобы стать счастливым, нужно постоянно стремиться к этому счастью и понимать его. Оно зависит не от обстоятельств, а от себя» [Шемшурин, 2009, 70]. В наброске «О цели философии» писатель именуется философию наукой жизни. «Он сам выступает в роли философа, утверждая, что основное в жизни человека – стремление к счастью. Для этого человек должен раньше всего овладеть богатством своего внутреннего мира, вернее, ему необходимо постоянно овладевать им. Только так поступая, он будет делать для себя доступным и внешний мир во всем его многообразии и богатстве» [Новиков, 1998, 170].

Стремление к счастью стало в центре отечественной религиозной философии: «Философия сердца в истории русской мысли сегодня считается одной из интересных ее областей и, как это ни парадоксально, слабо разработанной историко-философской проблемой. Проблема сердца и любви (они тесно связаны) предстают общечеловеческими проблемами, а не исключительно русскими» [Громов, Мильков, 2001, 77]. Однако в отечественной мысли, в силу русской

ментальности и преимущественно иррационального склада ума, эта тема получила яркое воплощение. М.Н. Громов отметил: «Сердце как орган мысли и любовь как сокровенный путь постижения истины имеет мирообъемлющее значение» [Там же, 100]. И вполне закономерно возникает вопрос: «как человеку достичь счастья, как облагородить его сердце?» [Емельянов, 2014, 84]. Г.С. Сковорода отмечает: «Счастье внутри человека, не вне, но внутри тела» [Сковорода, 1998, 121], «поэтому не нужно гнаться за счастьем по земле, по морю, по горным и преисподним» [Там же, 257], а добром (благом), верою и любовью отбросить «старое сердце» и «сделаться новым человеком»: «Кто старое сердце отбросил, тот сделался новым человеком. Горе сердцем затверделым» [Там же, 147].

Мыслитель был убежден, что сердце очищается философией: «Философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, яко главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно» [Там же, 403]. Как видим, Сковорода здесь объединяет благо и счастье.

Добро и счастье соединяются в поющем сердце. Этот тезис выдвигает И.А. Ильин в своей книге «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Здесь мы находим такую мысль: «Есть только одно истинное “счастье” на земле – пение человеческого сердца. Если оно поет, то у человека есть почти все; почти, потому что ему остается еще позаботиться о том, чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло. Сердце поет, когда оно любит; оно поет от любви, которая струится живым потоком из некоей таинственной глубины и не иссякает; не иссякает и тогда, когда приходят страдания и муки, когда человека постигает несчастье, или когда близится смерть, или когда злое начало в мире празднует победу за победой и кажется, что сила добра иссякла и что добру суждена гибель. И если сердце все-таки поет, тогда человек владеет истинным “счастьем”... и приобщился новому бытию» [Ильин, 1994, т. 3, 378].

Ильин уверяет, что нам дается возможность в меру любви участвовать в событиях мира и воздействовать на них и в этом случае счастье нашей жизни может стать полным. Кто хоть раз доставлял другому радость сердца, тот улучшил тем самым весь мир; а кто умеет любить и радовать людей, тот становится художником жизни. Каждый божественный миг жизни, каждый звук поющего сердца влияют на все стороны жизни: на хозяйство, на политику, на великие события, чтобы люди отрицали в них либо обреченность, либо счастье. Ильин говорит о том, что каждый из нас чувствует наворачивающуюся слезу в оке своего сердца, когда видит настоящую человеческую доброту или слышит робкое и нежное пение чужой любви.

По мнению Ильина, каждый из нас приобщается к высшему, сверхразумному счастью, когда повинуется голосу своей совести и предается ее потоку, поскольку этот поток уже поет ликующую мелодию состоявшегося преодоления и потустороннего мира. Сердце наше поет, когда мы созерцаем в живописи подлинную святыню, когда мы сквозь мелодию земной музыки воспринимаем духовный свет и слышим голоса поющих и пророчествующих ангелов, «а если нам сверх того дается возможность в меру любви участвовать в событиях мира и воздействовать на них, то счастье нашей жизни может стать полным» [Там же, 380].

И, наконец, благо проявляет себя в ответственности. Благо, когда «человек несет ответственность перед всеми людьми за всех людей и за все» (Ф.М. Достоевский); «когда я принимаю всю ответственность на себя – я тем самым отстаиваю свои человеческие возможности» (А. Сент-Экзюпери) [Шемшурин, 2009, 24]. Чувство ответственности, по мнению Ильина, есть вернейший признак духовности, оно, безусловно, связано с добром: «Человек как свободное существо отвечает за свою жизнь, за ее содержание и за ее направление.

Без чувства ответственности на земле невозможна никакая добродетель и никакая культура» [Сысуев, 1955, 211]. М.М. Бахтин, отечественный философ и культуролог, обращает внимание на проблему ответственности, которая связана для него с добром, культурой и образованием. Мыслитель подчеркивает, что человек, прилагая усилия, может воплотить в себе абсолютную волю к жизни и пролагать новые культурные формы своих действий, выбирая приобретенные среди своих стремлений и ценностей, в противном случае он будет служить не добру, а злу: «Три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их к единству. Гарантирует внутреннюю связь элементов единства вины и ответственности» [Бахтин, 1986, 4]. Именно культура связывает в единое целое то, что человек есть, и то, что он ждет от жизни (идея блага). Добавить к этой мудрости нечего, остается благоговейно склонить голову.

Теперь обратим внимание на то, как благо рассматривалось в контексте мировой, преимущественно западной философии. Начнем мы с эпохи Античности, которая выступает фундаментом западной философии. Платон учил о благе так: благ в этом мире много, но самое прекрасное и истинное благо – это благо само по себе, которое существует в ином, т. е. идеальном и надвещном, мире, а реальные вещи суть образы в благом свете, исходящем из идеального мира.

Вокруг этого вращаются также личные вещи, социальная жизнь и поступки человека. «Благо – идеальный стержень всего природно-социально-культурного пространства человека» [Борчиков, 2005, 87]. Аристотель полагал, что благо проявляется в деятельности, причем благо само по себе проявляется в такой деятельности, которая имеет наивысшую цель, а с этим непременно связаны усилия и чувство ответственности. Когда человек работает с наивысшими целями, он пребывает в состоянии счастья. Когда душа трудится сообразно добродетели, она открыта любви в разных направлениях – в любви к Богу, к знаниям, к ближнему.

Аристотель, создавая систему морали, первым вопросом выясняет, что есть благо. Затем он ставит задачу выяснить, в состоянии ли человек достичь блага. Третья задача – выявить пути достижения блага. И в завершении этих усилий – постичь как идею: достичь высшего блага должно быть целью добродетельных людей. Поэтому этика Аристотеля содержит учение о благе, учение о добродетелях, учение о свободе воли, причем философ полагает, что нравственный идеал доступен немногим, ибо невозможно у всех изменить то, что «издавна укоренилось в нравах» [Этика Аристотеля, 1908, 203]. Он уверен, что успех воспитания зависит от соответствующего уклада жизни, который во многом зависит от государственного устройства и политики.

Аристотель возражает Платону в его допущении самостоятельного существования блага. Он говорит: если допустить, что благо существует само по себе, то это никакого значения для морали не имеет, поскольку оно было недостижимо для людей, этика решает практические задачи. Кроме того, Аристотель дает определение добродетели, которого нет в учении Платона. Он считает, что добродетель есть приобретенное, а не прирожденное качество души, которого можно достичь обучением и трудом. При этом он полагает: «Добродетель есть середина между безумной отвагой (избытком мужества) и трусостью (недостатком мужества), и все-таки добродетель ближе к отваге» [Иванов, 1997, 135], иначе не было бы смысла принимать усилия для ее достижения. А нравственный человек – это тот, кто руководствуется разумом, сопряженным с добродетелями. Поскольку добродетель приобретенное качество души, она тем выше, чем более совершенной части души соответствует (имеются в виду три части души человека: растительная, животная и человеческая, описанные Аристотелем в трактате «О

душе»). Эти и многие другие мысли Аристотеля оказались настолько глубокими и верными, что к ним впоследствии обращались теоретики морали разных эпох, а в характеристике духовных качеств личности проявились общечеловеческие черты нравственности как исторически развивающиеся формы общественного сознания.

Обратим внимание еще на одного яркого философа античности – Эпикура. Разбор учения о благе Эпикур начинает с рассмотрения проблемы удовольствия и страдания. Мыслитель считает природные потребности главными в жизни человека и указывает на то, что человек стремится к удовольствию «во чреве» и старается избежать страдания. Смысл добродетелей – вести к наслаждению, способствовать достижению атараксии, вместе с тем деятельного состояния души. И проявлением блага явиться счастье, которое «вырастает из морального и физического здоровья» [Там же, 195]. Нравственным идеалом у Эпикура является жизнь мудреца, философа, который не презрел земного блага. Он сплотил вокруг себя единомышленников – «сад Эпикура». Все члены эпикурейской общины были связаны между собой узами теснейшей дружбы и любви к людям, в нее на равных правах входили женщины и рабы (хотя учение о морали все-таки обращено к свободным гражданам). Внутри общины культивировалось чувство ответственности за ближнего. Так проявлялась ипостась блага: «Сам Эпикур нежно любил своих учеников, проявляя о них и их детях постоянную заботу (например, почти восемь лет он оказывал помощь детям Метродора, который умер раньше него)» [Там же].

Представитель эпохи Возрождения Джордано Бруно смотрит на благо с позиции вечности, сообразно которой могут меняться смысл и критерии оценки воспринимаемого: то, что при обычном взгляде видится злом, может предстать в виде добра; то, что обращенный к земным заботам человек воспринимает как страдания и оковы, в свете абсолютного блага может почитаться добром или тем, что ведет к нему.

Благо, по мнению Бруно, проявляется в любви. Он развивает идею диалектической взаимосвязи двух видов любви: чувственной и героической. Это различные виды любви, по сути – материальная и духовная, в жизни они переплетаются, как судьбы античных богов Венеры и Вулкана. Благо и нравственная жизнь человека представляют собой постоянное усилие по духовному самовозвеличению, и ответственность за инициативу этого усилия лежит на самом человеке. Как видим, благо у этого мыслителя также проявляется и в любви, и в ответственности. Размышления о счастье были прерваны его принудительной смертью.

К сожалению, формат статьи не позволяет рассмотреть учения о благе других мыслителей, представляющих западную ветвь мировой философии.

Заключение

Проблема блага, как мы выявили в нашем обзоре, волновала отечественную и западную мысль на протяжении многих веков. Вопросы, поставленные философией, будоражат и сегодня, требуют дальнейших исследований.

Библиография

1. Абдусамедов А.И. и др. Атеистический словарь. М.: Политиздат, 1983. 659 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 541 с.
3. Борчиков С.А. Благо мудрости Толстого // Апология русской философии. Екатеринбург, 2005. С. 82-96.
4. Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. 959 с.
5. Гусейнов А.А. Вера, Бог и ненасилие в учении Льва Толстого // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 51-54.
6. Емельянов Б.В. Русская философия как человековедение. Екатеринбург, 2014. 331 с.

7. Емельянов Б.В. Толстой Лев Николаевич // Русская философия. Екатеринбург, 2019. С. 772-781.
8. Иванов В.Г. История этики древнего мира. СПб.: Лань, 1997. 256 с.
9. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 3. 591 с.
10. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. СПб., 1994. Т. 2. 340 с.
11. Новиков А.И. История русской философии X-XX веков. СПб.: Лань, 1998. 320 с.
12. Принцип ненасилия. М., 1991. 233 с.
13. Сковорода Г.С. Сочинения. М., 1998.
14. Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 2012. 656 с.
15. Сысуев Д.А. Традиции русской нравственной философии (И.А. Ильин и М.М. Бахтин) // М.М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века. Саранск, 1955. Ч. 1. С. 210-214.
16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1954. Т. 68.
17. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1984. Т. 17. 372 с.
18. Шемшурина А.И. Этический словарь на основе определений мыслителей (часть вторая) // Этическое воспитание. 2009. № 8. С. 2-96.
19. Этика Аристотеля. СПб., 1908. 273 с.

The good in the tradition of Russian and Western philosophy

Svetlana A. An

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of philosophy and cultural studies,
Altai State Pedagogical University,
656031, 55 Molodezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: tanges@mail.ru

Ivan V. Makarov

Postgraduate at the Department of philosophy and cultural studies,
Altai State Pedagogical University,
656031, 55 Molodezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: tanges@mail.ru

Abstract

The article aims to study the concept "the good" as a fundamental category for Russian philosophy. The authors of the article make an attempt to compare the views of such prominent representatives of Russian religious and philosophical thought as I.A. Ilyin, G.S. Skovoroda, V.I. Solovyov, L.N. Tolstoy. They also consider the good in the context of Western philosophy. The article deals with the heritage of ancient scholars, then examines the attitude to the good during the Renaissance. Having carried out an analysis of the good in the tradition of Russian and Western philosophy, the authors come to the conclusion that the good manifests itself in three hypostases – in love, in the pursuit of happiness and in responsibility, and the pursuit of happiness is at the center of Russian religious philosophy. The article points out that the problem of the heart has received a vivid embodiment in Russian thought due to the Russian mentality and mainly irrational mindset. Unfortunately, the format of the article does not allow the researchers to consider the teachings about the good of other thinkers representing the Western branch of world philosophy. The problem of the good has worried domestic and Western thought for many centuries. The questions posed by philosophy require further research.

For citation

An S.A., Makarov I.V. (2022) Blago v traditsii otechestvennoi i zapadnoi filosofii [The good in the tradition of Russian and Western philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (2A), pp. 74-82. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003

Keywords

Good, Russian philosophy, Western philosophy, love, pursuit of happiness, responsibility.

References

1. Abdusamedov A.I. et al. (1983) *Ateisticheskii slovar'* [Atheistic dictionary]. Moscow: Politizdat Publ.
2. Bakhtin M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow.
3. Borchikov S.A. (2005) Blago mudrosti Tolstogo [The good of Tolstoy's wisdom]. In: *Apologiya russkoi filosofii* [The apology of Russian philosophy]. Ekaterinburg, pp. 82-96.
4. Emel'yanov B.V. (2014) *Russkaya filosofiya kak chelovekovedenie* [Russian philosophy as a study of human nature]. Ekaterinburg.
5. Emel'yanov B.V. (2019) Tolstoi Lev Nikolaevich [Leo Tolstoy]. In: *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy]. Ekaterinburg, pp. 772-781.
6. *Etika Aristotelya* [Aristotle's ethics] (1908). St. Petersburg.
7. Gromov M.N., Mil'kov V.V. (2001) *Ideinye techeniya drevnerusskoi mysli* [Ideological trends in Old Russian thought]. St. Petersburg.
8. Guseinov A.A. (1997) Vera, Bog i nenasilie v uchenii L'va Tolstogo [Faith, God and nonviolence in Leo Tolstoy's teaching]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 7, pp. 51-54.
9. Il'in I.A. (1994) *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka: v 2 t.* [Hegel's philosophy as the doctrine of the concreteness of God and man: in 2 vols.], Vol. 2. St. Petersburg.
10. Il'in I.A. (1994) *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.], Vol. 3. Moscow.
11. Ivanov V.G. (1997) *Istoriya etiki drevnego mira* [A history of the ethics of the ancient world]. St. Petersburg: Lan' Publ.
12. Novikov A.I. (1998) *Istoriya russkoi filosofii X-XX vekov* [A history of Russian philosophy from the 10th to the 20th centuries]. St. Petersburg: Lan' Publ.
13. *Printsip nenasiliya* [The principle of nonviolence] (1991). Moscow.
14. Shemshurina A.I. (2009) Eticheskii slovar' na osnove opredelenii myslitelei (chast' vtoraya) [An ethical dictionary based on the definitions of thinkers (part 2)]. *Eticheskoe vospitanie* [Ethical upbringing], 8, pp. 2-96.
15. Skovoroda G.S. (1998) *Sochineniya* [Works]. Moscow.
16. Solov'ev Vl. (2012) *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [Justification of the good. Moral philosophy]. Moscow.
17. Sysuev D.A. (1955) Traditsii russkoi нравstvennoi filosofii (I.A. Il'in i M.M. Bakhtin) [The traditions of Russian moral philosophy (I.A. Ilyin and M.M. Bakhtin)]. In: *M.M. Bakhtin i gumanitarnoe myshlenie na poroge XXI veka* [M.M. Bakhtin and humanitarian thinking on the threshold of the 21st century], Part 1. Saransk, pp. 210-214.
18. Tolstoi L.N. (1954) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.], Vol. 68. Moscow.
19. Tolstoi L.N. (1984) *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 vols.], Vol. 17. Moscow.